

Портрет с загадкой

НЕТ-НЕТ, я вовсе не предлагаю к этому портрету М. В. Фрузе дать пометку «публичность апрерх». Найдется настоящий оппонент — перервет литературу и отыщет где-нибудь такую фотографию. Только книги-то о Фрузе издавались нечасто, иллюстрации в них наперчат, тиражи скромные. Потому публикуемый здесь снимок вполне можно отнести к разряду редких. Что же касается экземпляра, с которого сделана репродукция для печати, то он вообще уникален. Изготовленный по заказу самого Михаила Васильевича, фотопортрет открыточного формата был в свое время подарен им с надписью на оборотной стороне. Надпись не та, какую обычно пишут: «На память...», а стихотворная, с глубоким философским смыслом. И поскольку прочитать этот мудреный автограф по клишированному отisku весьма затруднительно, приведем полностью весь рукописный текст:

«Быть свободным, несвязанным,
Как движенье мечты.—
Никогда не рассказывать
До последней черты...»

Минск, 19 8/VI 17 г.
Михаил Александрович
Михайлов
(Михаил Васильевич Фрузе).

Любопытно... Кому адресовано это послание? По какому поводу было деревен? Кто автор стихотворных строк?... Давайте порассуждаем.

Незнакомцу — фотокарточек не дарят. Значит, адресата нужно искать среди людей, хорошо известных и близким.

Обратите внимание на двойную подпись: указывается подпольный псевдоним, и подлинное имя. Составляет это с датой — 8 июня 1917 года. Хотя с царским режимом, предельно высоким революционером вообще и самого Фрузе в частности, было покончено еще в начале марта, но у власти в России находилось буржуазное правительство во главе с князем Львовым, тоже отчаянно не благоволившем боль-

шевским. В эти условиях человек, которого все вокруг знали, как Михайлова, свое настоящее имя мог открыть только пользующемуся несомненным доверием. Были такие среди товарищей по Минской организации: Исидор Любимов, Александр Мясников, Борис Познер... Однако партийному соратнику с такой стати дарить фото со стихами? Уместнее быть адресату, в кругу личных друзей, с кем поддерживался связь. К ним относился Павел Батурина, Анна Додонова — в Москве, сестра Людмила — в Семиречье... Но им не требовалось сообщать, что Михайлов и Фрузе — одно и то же лицо. Москвичи сами устанавливали в его «революционщина», а для Людмилы Васильевны он в любом обличье всегда и во всю жизнь оставался просто Мишей.

Так кому же предназначался фотокарточка? Вернее всего предположить, что молодой жене, Софии Алексеевне, приехавшей в Минск из Читы, где они с октября 1915 до середины

марта 1916-го вместе работали в статистическом отделе перелесенского управления и «близилась», приязнись Ару к Ару.

В Забайкалье он был Владимиром Григорьевичем Василеником. Некоторые биографы берут на себя смелость утверждать, будто это тогда он полностью перебрался в Читу, женился с своей фамилией перебрался с молдавского: Фрузе — зеленый. И будто приехала она к нему в Минский район еще до февральской революции и тоже стала участвовать в подпольной работе. Как говорится, «позволять этому не поверить». Ичисляемый четыре-пятью месяцами читинский срок их знакомства едва ли позволял бездумно сыльно-коржанину нарушать строгие правила конспирации. И узреть его из Читы, не зная и не ведая, в каком месте доведется жить. Это лишь по прибытии в Москву определилось — держаться путь к Западному фронту. И чтобы запутать следы, отправки по его просьбе в Сибирь открылись с извещением о его внезапной смерти.

Обосновавшись сперва в местечке Ивенец, а затем в самом Минске, Михаил Михайлов (не Фрузе) никак не мог вызвать невесту раньше марта 1917 года, когда падение царизма обусловило административные и политические изменения и сыльнопоселенцев. Только после этого стало возможным открыто — письмом или по телефону — сообщить: как, что и где... Потребовалось немалое время на сборы, на далекую дорогу. Так что прибыла невеста не раньше середины апреля. Этому есть доказательство, хотя и косвенное. Сохранилась (в Шуйском музее) паспортная книжка, выданная 21 апреля 1917 года на имя Софии Алексеевны Фрузе из штабса Минской городской милиции. Конечно, неизбежно, что именно в то день они и поженились, могли немного раньше, но все же близко к паспортной дате. А место выдачи документа — штаб милиции — напоми-

нат, что это первое в Минске революционное учреждение возглавлял сам Фрузе.

Интересно, между прочим: собственный паспорт — у себя же — он получил 31 июля 1917 года на имя Михаила Александровича Михайлова. Почему не на родную фамилию? Ответ, наверное, лежит в создавшейся тогда ситуации: с первых чисел июля началась травля ленинцев «кержанской властью».

Сопоставление упомянутых фактов и наводит на мысль, что создатель портрета и дал надписью Михаил Васильевич предпосылку не кому-нибудь, а молодой жене. Он с тремя именами — Василенику, Михайлову, Фрузе, несомненно на их женитбу, основываясь на факте, что надписью Михаил Васильевич предпосылку не кому-нибудь, а молодой жене. Он с тремя именами — Василенику, Михайлову, Фрузе, несомненно на их женитбу, основываясь на факте, что надписью Михаил Васильевич предпосылку не кому-нибудь, а молодой жене.

Такое предположение было бы более обосновано, если бы удавалось установить, где сделан фотопортрет в Центральном музее Вооруженных Сил СССР, где она сейчас находится? Увы, музейными реверстами оно не зафиксировано. Дочь Фрузе Татьяна Михайловна много раз сообщала, что многие из семейных вещей передано в музей давным-давно, еще при жизни бабушки, и был ли в том числе этот портрет — сказать невозможно.

Если у других исследователей есть свои доводы, пусть назовут иного адресата стихотворного послания.

Неконеч, о четверостишии. Цитировал ли Фрузе, или сам его сложил? Книги многих поэтов той поры перевелись, но одного знакомца, находившись справки, но ничего похожего нигде пока не обнаружено. Хотя поэтическое увлечение молодого Фрузе известно, и тут вполне возможно его авторство, все-таки подождать с выводом. Может, кто-нибудь из читателей этих заметок будет удачлив и подскажет первоисточник.

М. ЖОХОВ,
член Военно-научного
общества при ЦДА
имени М. В. Фрузе.
МОСКВА.

